

Л. А. Пименова

ПРОСВЕЩЕНИЕ И «ДВОРЯНСКИЙ РАСИЗМ»

особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988. С.59-74.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

В обширной литературе, посвященной истории Франции XVIII в., неоднократно затрагивалась проблема идейных позиций дворянства и дворянской идеологии. Однако считать данные вопросы исчерпанными нельзя, и при их изучении исследователи до сих пор сталкиваются с немалыми трудностями. С одной стороны, широко известны приверженность дворянства сословным привилегиям и его враждебность идее гражданского равенства. Но, с другой стороны, не менее общеизвестны вольнодумство и увлечение идеями философов-просветителей, распространенные во второй половине XVIII в. в среде французской аристократии. В настоящее время изучение французского дворянства Старого порядка приобрело особую научную актуальность в связи с полемикой, которая ведется вокруг концепции Великой французской революции в современной историографии. Эта полемика получила подробное и всестороннее освещение в марксистской литературе¹. Историки сейчас уделяют значительное внимание дворянству предреволюционной Франции, потому что та или иная трактовка социального положения и классовой сущности дворянства, его идейно-политических позиций является принципиально важным звеном в построении общей концепции классовой и политической борьбы накануне и во время Великой французской революции.

Ф.Фюре, Д.Рише, Г.Шоссинан-Ногаре и другие авторы предлагают рассматривать дворянство как часть надклассовой элиты, объединенной культурой Просвещения и общими чертами образа жизни. С одной стороны, просвещенная либеральная элита противостояла абсолютизму, с другой — консервативным и темным народным массам². По мнению Г.Шоссинан-Ногаре, Просвещение было идеологией дворянства даже в большей мере, нежели буржуазии, а предвыборные наказания дворянства Генеральным штатам 1789 г. свидетельствуют о его идеологической и культурной общности с верхушкой третьего сословия.³

К принципиально иным выводам пришел М.Вовель, выявивший путем исследования завещаний представителей разных сословий Марселя различия в мировоззрении дворян и простолюдинов, скрытые за общей просветительской культурой дворянско-буржуазной элиты.⁴

Советские историки, проявляя интерес к проблемам дворянской идеологии и идейных позиций французского дворянства XVIII в., обращались к изучению дискуссии о дворянском предпринимательстве, развернувшейся во Франции в середине столетия.⁵ Мы же попытаемся проследить распространение основных течений дворянской идеологии XVIII в. на уровне массового сознания.

* * *

Прежде чем приступить к рассмотрению дворянской идеологии XVIII в., остановимся на идейных традициях, которые она развивала. В многочисленных произведениях дворянских идеологов XVI—XVII вв. Бартелеми де Шассене, Ле Лабурера, де Ла Рока, Ле Менетье и других обосновывалась сословная структура общества, т.е. деление людей на привилегированных и непривилегированных. В их работах нашла теоретическое отражение дворянская система ценностей. Ее основополагающими компонентами были «военная служба» и «род». Первый из них определял особое положение дворянства в обществе как сословия, выполняющего исключительно важную и почетную социальную функцию. Второй придавал этой функции наследственный характер, закрепляя ее за данным сословием. Дворянские идеологи XVI—XVII вв. придавали столь большое значение знатному происхождению и древности рода, что представляемое ими течение общественной мысли получило в литературе название «дворянский расизм».⁶

В дворянском идейном наследии XVI—XVII вв. имелась и иная традиция. Ее представляли в XVI в. так называемые монархомахи, а в XVII в. — идеологи парламентской Фронды. И те и другие отрицали абсолютную власть монарха и в противовес ей отстаивали политические прерогативы привилегированных сословий. Но в отличие от приверженцев «дворянского расизма» они не защищали эти прерогативы открыто, а пропагандировали идею ограничения власти монарха сословным органом, выполняющим функцию хранителя «основополагающих законов» королевства. Для монархомахов таким органом были Генеральные штаты, для парламентских идеологов — парламенты.⁷

Традиции дворянской идеологии прошлых веков и дворянская система ценностей продолжали жить и в XVIII в. Дворянская «расистская» теория получила в первой четверти XVIII в. развитие в трудах графа Анри де Буленвилье. Он считал дворян прямыми потомками франков — покорителей Галлии, высшей расой победителей. С его точки зрения, звание дворянина могло передаваться только по наследству. Буленвилье не признавал за королями права аноблировать и мыслил себе дворянство замкнутым военным сословием, унаследовавшим от предков высокий социальный статус, привилегии и власть над третьим сословием (потомками покоренных галлов). Все эти права «принадлежат франкам от рождения как завоевателям и не обязаны своим происхождением щедрости или милости государей».⁸ К богатству, буржуазной ценности, Буленвилье относился с презрением и считал его чуждым истинному, т.е. военному, дворянству. «Роскошь при Франциске I, — писал он, — погубила дворянство, сделав его придворным».⁹ «Дворянский расист» Буленвилье испытал на себе влияние доктрины естественного права. Но при этом понятия «естественного права» и «естественного закона» получили у него специфически дворянскую трактовку. Все традиционное он понимал как соответствующее естественному праву и с этих позиций доказывал справедливость сословного неравенства: «Конечно, с точки зрения публичного права, все люди равны. Насилие установило различия между Свободой и Рабством, между Дворянством и Третьим сословием; но несмотря на это, обычай утвердил неравенство в мире столь давно, что оно обрело силу естественного закона».¹⁰

Другой видный проповедник «дворянского расизма» XVIII в. — герцог Сен-Симон. Его идейно-политическое кредо изложено в «Мемуарах», написанных в 40-х годах XVIII в. Сен-Симона возмущали аноблирования чиновников и судейских королевской властью, возвышение новой, невоенной знати. «Высочайшая милость, — писал он, — всегда превосходит самые безумные новшества, которые низость света создает и присваивает».¹¹ Аноблированные магистраты, по мнению Сен-Симона, так и оставались не дворянами, а потомками буржуа, «неизвестными новичками из города», обязанными помнить, «кем были они и кем были другие».¹² В отличие от Буленвилье Сен-Симон не считал, что благородное происхождение делает всех родовитых дворян равными. Герцог был сторонником строгой внутрисословной иерархии, верхнюю ступеньку в которой должны занимать герцоги и пэры, потомки старой феодальной военной знати. Он считал, что эта знать, вытесненная с государственных постов людьми низкого происхождения, утратила по праву принадлежавшую ей политическую власть. В «Мемуарах» Сен-Симона нашли выражение идеи выступившей на политической сцене в конце XVII—начале XVIII в. оппозиции герцогов и пэров, претендовавших на роль советников короля и лидеров дворянства.¹³

В творчестве шевалье д'Арка сочеталось влияние трех традиций: дворянской, парламентской и официальной доктрины абсолютизма с ее идеей божественного происхождения неограниченной власти монарха. Д'Арк был плодовитым публицистом. Наибольшую популярность завоевали такие его произведения, как «Военное дворянство, или Французский патриот» (1756), неоднократно переиздававшееся и переведенное на немецкий язык, «Очерки администрации» (1786) и «О созыве генеральных штатов и о необходимости создать четвертое сословие Государства» (начало 1789 г.). Д'Арк восставал против возвышения неродовитых людей.

Его общественный идеал — сословная иерархия, основанная на принципе чести. Призвание дворянства как высшего сословия королевства — военная служба. Король имеет право аноблировать только за военные заслуги. «Обязанности дворянства вообще и во Франции, так же как и в других воинственных государствах, в особенности состоят в том, чтобы поддерживать славу и защищать интересы государя и нации, проливать кровь до последней капли за тех, чей повседневный труд обеспечивает ему существование и достаток; а также вершить правосудие над гражданами в соответствии с законами, которые дворянство должно сохранять, — вот та доля суверенной власти, которую монарх препоручает дворянству».¹⁴

Д'Арк призывал дворян к аскетизму и строгости нравов, осуждал придворную роскошь. Его страшила власть денег, заставляя вспомнить историю гибели Карфагена. Богатство он презирал и считал несовместимым с принципом чести: «В былые времена почиталось за бесчестье выбирать между скромностью и богатством»; «это оскорбительное великолепие свидетельствует против чести».¹⁵ Роскоши д'Арк противопоставлял традиционные дворянские ценности — военную службу и доблесть: «Война очищает государство от праздных людей, которые всегда опасны, и в то же время она, так сказать, поддерживает и питает мужество и дисциплину. Она предотвращает последствия роскоши, восстанавливает, по меньшей мере на время, простоту нравов и пробуждает естественные чувства».¹⁶

Большое значение д'Арк придавал парламентам и характеризовал их как орган, представляющий нацию. Реализуя свое право регистрировать королевские постановления, они, по его мнению, выражали согласие нации с волей короля. Однако д'Арк не считал, что назначение парламентов состоит в том, чтобы ограничить власть монарха. Его политический идеал — абсолютная монархия, при которой король держит ответ лишь перед богом. В 1789 г. Д'Арк высказался против созыва Генеральных штатов, так как видел в этом угрозу существующему политическому режиму.¹⁷

В дворянской предреволюционной (1787—1789 гг.) памфлетной литературе консервативного толка, полемически заостренной как против устремленного к гражданскому равенству третьего сословия, так и против реформаторских попыток абсолютизма, заметно влияние традиционных дворянских доктрин. В них дворянство изображалось носителем истинных добродетелей, таких, как честь и верность. Привилегированный социальный статус дворянства объяснялся знатным происхождением, заслугами предков и прирожденным призванием к военной службе. В ряде памфлетов отвергалась принадлежность дворянства и третьего сословия к одной нации.¹⁸

Парламентские лидеры XVIII в. для аргументации своих политических претензий опирались на традиционную теорию политического верховенства «основополагающих законов» французской монархии, хранителем которых выступал парламент. Вместе с тем эта доктрина в XVIII в. испытала на себе влияние идей конституционализма. В официальных документах Парижского парламента и сочинениях идеологов «мантии» парламенты изображались хранителями «конституции» и «прав нации», т. е. традиций и привилегий, которые королевская власть не имела права нарушать. Например, адвокат Парижского парламента Ле Пез опубликовал в 1753—1754 гг. «Исторические письма о существенных обязанностях Парламентов, о праве пэров и об основополагающих законах королевства», в котором показал происхождение парламентов от общего собрания древних германцев, названного им «общим парламентом». Ссылаясь на политические прерогативы и вольности своих предков франков, Ле Пез утверждал принцип «народного суверенитета», который в его трактовке означал суверенитет парламентской аристократии.¹⁹

Предвыборные указы дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г., представляющие собой уникальную для всего периода нового времени аналогию современным опросам общественного мнения, позволяют сделать вывод, что традиционная дворянская система ценностей сохранялась на уровне массового сознания. В указах часты обращения к славному прошлому дворянства. В 42 из сохранившихся и опубликованных 165 указов авторы ссылались на заслуги предков и древние основополагающие законы французской монархии, дабы обосновать законность своего привилегированного статуса: «Французские дворяне представляют собой сословие, в ряды которого Карл Великий посвящал своих детей, давая им короны. Сословие, членом которого Филипп Святой называл опорой королевской власти и короны... привилегии дворянства вовсе не является узурпацией: они являются, с одной стороны, остатком древних вольностей, которыми обычно пользовались наши предки франки, с другой — наградой за службу и кровь, пролитую поколениями наших предков...»²⁰ Подобные высказывания представляют собой отголоски «дворянского расизма». Дворянство выглядит в них происходящей от франков наследственной кастой.

Более 20 указов определяли дворянство как военное сословие, призванное служить королю и родине и наследующее воинственный дух и доблесть своих предков франков: «Самая обычная профессия дворянина — военная... Дворянство... во все времена жертвовало кровью и имуществом ради своего короля и сейчас с энтузиазмом и признательностью вновь приносит клятву верности своему августейшему монарху... Отличительными чертами французского дворянства всегда были патриотизм и честь».²¹

Авторы писали о дворянстве как о сословии, обладающем прерогативами политической власти; как о «первой и главной опоре законов и монархии... самой прочной опоре трона...»; о «короле... первом среди дворян...»²²

Традиционная дворянская система ценностей прослеживается не только в рассуждениях о дворянском сословии и его предназначении, но и в требованиях создать геральдический трибунал, предотвращать случаи самовольного присвоения дворянского титула, сохранить военный ордонанс 1781 г., затрудняющий аноблированным доступ к офицерскому званию. Все это свидетельствует об авторитете древности рода и сохранении «дворянского расизма».

Представление о дворянстве как о сословии воинов нашло отражение в требовании исключительного права дворян становиться офицерами. Многие говорили о том, что званием дворянина надо награждать за отличия на военной службе;²³ предлагали аноблировать за мужество и доблесть.²⁴ Претензии дворянского сословия на прерогативы политической власти выражались в требованиях сохранить привилегии дворян занимать административные и судебные должности и образовывать в Генеральных штатах особую палату, обладающую одним голосом из трех.

* * *

При сохранении влияния дворянских идеологических традиций и традиционной дворянской системы ценностей изменения в положении этого сословия вели к сдвигам в его идейных ориентациях. В течение XVIII в. дворянство Франции значительно пополнилось выходцами из третьего сословия.²⁵ Персональное обновление дворянства обусловило то, что, хотя по-прежнему социальный престиж знатного происхождения и древнего рода был исключительно высок, отношение к аноблированным все же менялось. Многие стали воспринимать их уже не как выскочек-буржуа, а как дворян. Показательно различие между изданиями «Всеобщего словаря» Фюретьера, относящимися к XVII и XVIII вв. В 1690 г. в статье «дворянин» говорилось: «Истинные дворяне — это Дворяне расы, Дворяне по крови, по происхождению».²⁶ Определение понятия «дворянин» в издании 1727 г. отличается меньшей жесткостью: «Дворянам расы, Дворянам по крови, по происхождению отдается предпочтение перед прочими».²⁷ Знаменателен тот факт, что на выборах 1789 г. впервые в собраниях дворянского сословия получили право принимать участие все дворяне, независимо от древности рода.²⁸ На предыдущих выборах аноблированные включались в списки избирателей третьего сословия. Характерно не только само это новшество, но и то, как оно было воспринято современниками. Если прочие отступления от формы выборов 1614 г. порождали острые дискуссии — о числе депутатов от каждого сословия, о процедуре голосования, — то это изменение прошло незамеченным, как бы само собою разумеющимся.

Другим социальным процессом, имевшим важные последствия, было произошедшее в течение XVIII в. сближение военного по происхождению «дворянства шпаги» и чиновного «дворянства мантии».²⁹ Долгое время феодальная знать не признавала «дворянства мантии» частью дворянского сословия. Но шло время, сменялись поколения, и потомки аноблированных чиновников становились родовитыми дворянами. Упрочение социального статуса чиновного дворянства вело к тому, что наряду с сохранением значимости военных ценностей рос престиж гражданской службы и связанной с ней образованности, учености. В XVII в. единственным истинно дворянским занятием почиталась служба в армии.

Должности в государственном аппарате, финансовом ведомстве, университете, дипломатическая, судебная карьера были уделом аноблированных. Бедный отпрыск знатного рода готов был стать пажом сеньора или простым солдатом, но не секретарем посольства. Пока дворянство оставалось сословием военных, образованность была для него делом второстепенным. Ценились не ученость, а мужество и доблесть. Молодым дворянам, получавшим образование, преподавали верховую езду, фехтование и танцы.³⁰ В XVIII в. многие гражданские должности занимали уже родовитые дворяне. Существенно изменился характер образования дворянской молодежи. Прежние дисциплины сохранились, но их значительно потеснили занятия интеллектуального характера. Большое внимание уделялось освоению классической культуры: изучению латинского и греческого языков, риторики, античной истории. После изгнания из Франции иезуитов в 1762 г. в коллежах усилилась ориентация на изучение живых языков, французской истории, географии, естественной истории, математики.³¹ Шатобриан, которого отец готовил к карьере морского офицера, учился в коллежах в Доле и Ренне и прошел курс математики, рисунка, владения оружием и английского языка, изучал латынь и греческий.³²

Граф Монлозье, тоже выросший в провинции и получивший, по его словам, обычное для молодого дворянина своего времени образование, изучал химию, анатомию, право и теологию.³³ Изменившаяся система образования воспитывала у дворян привычку к интеллектуальным занятиям. Они получали исходный идейно-культурный багаж, необходимый для овладения достижениями научной и общественной мысли XVIII в. Изучение права и истории стимулировало интерес к политике и общественной жизни.

В повседневной жизни дворяне постоянно вступали в контакты с людьми из третьего сословия. Формы социальной и культурной жизни второй половины XVIII в. способствовали межсословному общению, например в рамках провинциальных академий.³⁴ Заключались межсословные браки. С этой точки зрения, повседневная жизнь городского и сельского дворянства существенно отличалась. Условия жизни сельского дворянства культивировали в его среде создание дворянской исключительности, так как в большинстве случаев оно вступало с третьим сословием в отношения господства и подчинения. Человеком непривилегированного сословия, с которым обычно общался сельский дворянин, был зависимый от сеньора крестьянин. Дворяне, жившие в городах, вступали в самые разнообразные отношения с буржуа. Для дворянина-горожанина человеком третьего сословия, с которым он общался, был образованный и богатый домовладелец, живущий на соседней улице. Их могло объединять исполнение обязанностей на судейских и муниципальных должностях, экономические связи, духовные интересы.³⁵ Это были отношения равноправного партнерства, которые влекли за собой постепенное преодоление у части дворян духа сословной исключительности.

Значительная часть французских дворян XVIII в. оставалась в классовом отношении землевладельцами по преимуществу феодального типа, но в условиях развития капиталистического уклада феодальная сеньория трансформировалась. В ряде районов упала роль традиционных феодальных платежей, и основой доходов дворян-сеньоров стали поступления от фермерской аренды.³⁶ Кроме того, в XVIII в. образовался слой так называемого делового дворянства, занимавшего заметные позиции в некоторых отраслях промышленности, особенно в металлургии и горном деле, а также в крупной морской торговле. Примерами дворян-капиталистов могут служить Дитрихи и де Вандели, знаменитые основатели династий промышленников, господствовавших в металлургии и горном деле Эльзаса и Лотарингии. В текстильной промышленности были широко известны фамилии владельцев мануфактур Оберкампа, Ван Робэ, Эли-Лефевра, принадлежавших к дворянскому сословию. Герцог Орлеанский владел крупными полотняными мануфактурами в Орлеане и Монтаржи. Владельцем мануфактур был и герцог Ларошфуко-Лианкур. В общей сложности современный исследователь дворянского предпринимательства Г. Ришар насчитал 1019 семей дворян-предпринимателей.³⁷

В условиях частичного обуржуазивания дворянства наряду с традиционной воинской честью в его среде рос престиж буржуазных ценностей: богатства и преуспевания. В 1756 г. появился вызвавший бурные споры трактат аббата Куайе «Торгующее дворянство». Он был написан по заказу правительства с целью привлечь дворян к службе в торговом флоте. Куайе обличал как предрассудок самоустранение большинства дворян от торговли и промышленности и доказывал, что приносить доход себе и отечеству не менее почетно, чем служить в армии. Среди части дворян сочинение Куайе встретило одобрение. Маркиз д'Аржансон писал, что «очарован» этим трактатом.³⁸ Дворяне-предприниматели являли собой живое воплощение того, к чему призывал аббат Куайе.

Требования предвыборных дворянских наказов 1789 г. обнаруживают сдвиги в ценностных ориентациях дворянства. Так, требование свободно допускать к офицерскому званию всех дворян, а не только родовитых, свидетельствует, что рост удельного веса аноблированных среди дворянства и их высокое общественное положение вели к постепенной девальвации такой ценности, как древность рода, в качестве критерия внутрисословной иерархии. Традиционный образ дворянства как сословия, обладавшего всеми прерогативами политической власти, «разрушается» в тех наказах, составители которых отказались от различных сословных привилегий, закреплявших эти прерогативы за дворянами.³⁹

Об относительном снижении престижа военных ценностей свидетельствует то, что авторы 41 наказа высказались за развитие дворянского предпринимательства. Некоторые предлагали давать торговцам дворянские титулы.⁴⁰ При этом составители наказов нигде не говорят о том, что дворянство должно заняться торговлей, дабы выполнить свой долг перед родиной или перед государем, приумножив богатства страны. Напротив, они открыто заявляют, что их цель — «поправить свое положение», «сохранить и приумножить свое имущество», т.е. цель их — личное обогащение и преуспевание. Следовательно, такие буржуазные ценности, как богатство и успех, были для дворян уже достаточно престижными, чтобы служить аргументами в наказах.

Представляют интерес требования, касающиеся процедуры выборов в Генеральные штаты. Некоторые дворяне предложили установить для избирателей имущественный ценз или ценз земельной собственности. Между тем известно, что среди дворянства, главным образом сельского, существовала малоимущая прослойка, часть дворян не имела земельной собственности.⁴¹ Выдвинувшие требование имущественного ценза продемонстрировали солидарность с земельными собственниками, независимо от сословной принадлежности последних, а не с разорившимися «потомками франков». Собственность как критерий социальной общности потеснила в сознании этих дворян прежние критерии: род, военную службу, привилегии.

Отмеченные выше социальные процессы и связанные с ними тенденции массового сознания готовили дворянство к восприятию новых принципов научной и общественной мысли XVIII в. Идеино-культурная среда Франции второй половины XVIII в. определялась гегемонией просветительского рационализма. основополагающие для просветительского мышления понятия природы человека и естественного права служили исходными посылами для выводов о гражданском равенстве и несправедливости сословной иерархии с точки зрения естественных законов. С осуждением наследственных привилегий выступали виднейшие представители самых разных течений просветительской мысли: Вольтер, физиократы, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Руссо.⁴² Руссо называл наследственную аристократию «худшим из всех Правлений». Издеваясь над представлениями о предназначении дворян служить королю, он писал: «...но что представляет собой дворянство как сословие, как не собрание лакеев. Дворянство создано в основном для того, чтобы служить, оно существует только этим и только для этого. Услужение всегда одинаково, различен только господин».⁴³ Ожесточенным нападкам подвергались сословные привилегии в памфлетах предреволюционного периода.⁴⁴ Автор самого знаменитого из них, аббат Сийес, так иронически переосмыслил «теорию завоевания»: «Почему бы, в самом деле, не препроводить обратно во франконские леса все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции?»⁴⁵ Ему вторил другой памфлетист, Бергасс: «Мы, между прочим, живем в слишком просвещенный век, и дворянству нелегко убедить нас в том, что его якобы от рождения унаследованное право занимать всегда первые места предполагает также обладание доблестями, знаниями, талантами, которых эти места требуют».⁴⁶

Обосновывать сословную иерархию ссылками на традиции, заслуги предков и врожденное благородство было уже недостаточно в век господства рационалистического мышления, когда «мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего».⁴⁷ В этих условиях дворянская идеология начинает доказывать целесообразность и соответствие общему благу сословных привилегий дворянства.

Особую популярность среди дворян завоевало учение Ш.-Л.Монтескье, который аргументировал необходимость наследственной аристократии с помощью просветительских политико-юридических категорий. Принимая идею природного равенства людей, Монтескье в «Духе законов» доказывал целесообразность — с точки зрения общего блага — существования во Франции привилегированной категории граждан. Наследственная знать, по его мысли, представляет собой «промежуточную власть», социальная функция которой — создавать и удерживать равновесие между монархом и народом. Дворяне, от рождения обладающие привилегированным статусом, являются естественными поборниками свободы и врагами деспотизма, который посягает на их привилегии. Наследственное дворянство с помощью своего политического органа, парламентов, защищает народ от произвола королевской власти и предохраняет монархию от вырождения в деспотию.⁴⁸

Идеи Монтескье нашли горячий отклик у части дворянства, охотно принявшей на свой счет концепцию «промежуточных властей». Монтескье оказал большое влияние на взгляды одного из авторов и составителей «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, шевалье де Жокура. Он руководил изданием ряда томов «Энциклопедии» и написал для нее множество статей по разным отраслям знания: политике, праву, медицине, физике, математике и т.д. Ему, в частности, принадлежит статья «Дворянство». В ней де Жокур критикует «теорию завоевания» Буленвилье и пишет, что французская нация произошла от смешения галлов, римлян и франков и дворянское сословие выделилось независимо от национального происхождения, так что претензии на принадлежность дворянства к высшей «расе» беспочвенны. «Природа создала всех людей равными, она не установила между ними никакого различия, кроме того, что проистекает из кровных уз, кроме власти отцов и матерей над своими детьми».⁵⁰ Но существование дворянского сословия как общественного института тем не менее необходимо, так как без него монархия выродилась бы в тиранию. «Таким образом, нужно, чтобы в монархии законы способствовали поддержанию наследственного дворянства, которое призвано служить не барьером, а связующим звеном между силой государя и слабостью народа. Прерогативы дворянства в монархии принадлежат только ему и ни в коей мере не переходят к народу, в противном случае будет задет самый принцип монархического правления, будет принижено как дворянство, так и народ».⁵¹

Аналогичные рассуждения находим мы в записках видного сановника Сенака де Мейана: «Направляемый светочем философии и свободный от всех предрассудков, я не скажу, что существование в стране дворянства и его отличий справедливо; но человеческой природе свойственно создавать дворян и отличать их».⁵² Далее следует навеянное Монтескье рассуждение о том, что существование наследственной знати необходимо для больших государств.

В предреволюционной памфлетной литературе авторы, выступавшие в защиту привилегий дворянства, чаще всего заимствовали аргументы у Монтескье, используя теорию «промежуточных властей» для обоснования привилегий дворянства. Апеллировали они и к предназначению дворянства оберегать родину от военной угрозы.⁵³

Таким образом, в том течении дворянской идеологии, которое развивалось в русле Просвещения, идея естественного равенства всех людей сочеталась с идеей необходимости сословной иерархии. Теоретическим основанием для такого сочетания служило присущее просветительской мысли разграничение понятий «естественное право» и «позитивное право». «Естественное право» вытекает непосредственно из природы человека.

«Позитивное право» создается самими людьми для защиты своих интересов. Разные течения просветительской мысли расходились в отношении к «позитивному праву». В «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера в серии статей под общим заголовком «Право», написанных Дидро, «позитивное право» противопоставлено «естественному», подчеркнуты его произвольность и несоответствие человеческой природе.⁵⁴ Дворянское течение в Просвещении характеризуется тем, что акцент в нем сделан на целесообразности «позитивного права», на его способности разумно регулировать сложные взаимоотношения внутри человеческого общества.

Произведения французских просветителей разных течений находили отклик и в среде столичной придворной аристократии, и в кругах «дворянства мантии», и у дворянства провинциальных городов, и в сельской усадьбе.⁵⁵ Магистраты Парижского парламента подчас пополняли свои частные библиотеки запрещенными книгами просветителей, хотя сами же приговаривали эти книги к сожжению.⁵⁶ Граф Монлозье, ставший впоследствии единственным продолжателем традиции «дворянского расизма» в общественной мысли эпохи Реставрации⁵⁷, в молодости увлекался произведениями Вольтера, Руссо, Дидро. Он вспоминал о своих взглядах того времени: «Я рассматривал независимость как первое право природы, равенство как естественное право общества. Всякое подчинение казалось мне рабством, всякое действие, направленное против свободы, — тиранией. Феодализм был для меня разбоем, рыцарство нелепостью, наследственные привилегии предрассудком. Я кончил тем, что полностью отверг религию и доказательства бытия Бога».⁵⁸ Жозеф де Местр, знаменитый идеолог ультрароялистов в годы Реставрации, в молодости критиковал Старый порядок с просветительских позиций, поначалу приветствовал революцию, клятву в Зале для игры в мяч, отмену феодального порядка в ночь на 4 августа. Его поворот к контрреволюции совершился после принятия Декларации прав человека и гражданина, провозгласившей гражданское равенство.⁵⁹

Просветительская терминология и аргументация широко использовались в официальных документах. Постановления Парижского парламента осени 1788 г. содержат требования гарантировать «личную свободу граждан» и «законную свободу печати», «обеспечить нации счастье, которого она достойна, посредством безграничной свободы...»⁶⁰

В текстах дворянских наказов 1789 г. проявились характерные черты социально-политического мышления эпохи Просвещения. Авторы использовали просветительски-рационалистскую аргументацию требований, объявляли себя защитниками интересов нации и общего блага.⁶¹ «Пусть в этом собрании, — предписывали, например, дворяне Провена своему депутату, — он считает себя не дворянином, а французом, не особым нашим представителем, а представителем нации, и пусть для него все частные интересы исчезнут перед интересом общим».⁶² Дворяне единодушно требовали провозглашения прав и свобод граждан и нации, неприкосновенности личности и собственности, и многие авторы при этом аргументировали свои предложения доктриной «естественного права».⁶³

Составители наказов зачастую опирались на идеи Монтескье относительно «промежуточных властей» для обоснования сословных привилегий: «Природа создала людей равными, и... различия между ними, особенно необходимые в монархии, основаны на принципе общей пользы» м. Другие с той же целью апеллировали к священной и неприкосновенной частной собственности: «Дворянство и все его почетные прерогативы являются столь же неприкосновенной собственностью, как и владение землей и любым другим имуществом»; «Дворянству должно быть сохранено в неприкосновенности владение всеми его почетными правами, которые никоим образом не задевают свободы граждан и составляют важнейшую часть его собственности...»⁶⁴

Использование дворянством идей Просвещения стало возможным благодаря их «всечеловечности» и противоречивости. Просвещенный вельможа Сенак де Мейан утверждал, что содержание произведений Вольтера составляла борьба с религией, а Монтескье — апология монархии, короля и парламентов; в Руссо он видел прежде всего сентиментального моралиста.⁶⁶ Монлозье увлекся просветительскими теориями, усомнившись в существовании бога, и крайним проявлением своего вольнодумства считал именно разрыв с религией.⁶⁷

Увлечение французского дворянства произведениями философов-просветителей и восприятие им просветительского политического словаря и просветительской манеры мышления еще не означало, что дворянство проникалось идеей гражданского равенства и готово было ниспровергнуть Старый порядок. Принципы свободы личности и естественного права могли, как мы убедились, уживаться в его сознании с приверженностью сословным привилегиям. Однако просветительское свободомыслие, отрицание любых авторитетов готовили почву для разрыва части дворянства с традиционными сословными ценностными ориентациями и стереотипами мышления. В 1788—1789 гг. дворяне-либералы — среди них были Мирабо, Лафайет, Ламеты и другие будущие участники революции — поддержали требования третьего сословия о гражданском равенстве и об уничтожении противоречащих «естественным правам человека» сословных различий. Один из дворян-либералов, Мальзерб, в целом высоко ценивший Монтескье как политического мыслителя, критиковал его учение о «промежуточных властях». Здесь, по мнению Мальзерба, Монтескье продемонстрировал свои дворянские предрассудки и по существу защищал сословные прерогативы, которые на самом деле только усиливают деспотизм и угнетение нации.⁶⁸

Дворянская идеология XVIII в. выглядит при ближайшем рассмотрении неоднородным явлением. В ней можно выделить три течения. В сочинениях Буленвилье, Сен-Симона, отчасти д'Арка представлено течение «дворянского расизма». В официальных документах Парижского парламента и работах публицистов из числа его членов нашла выражение парламентская доктрина. Эти два течения продолжали традиции идеологов дворянства XVI — XVII вв.: «дворянских расистов», монархомахов, парламентских идеологов. Третьим было дворянское течение внутри Просвещения. Монтескье, де Жокур обосновывали привилегированное социальное положение дворянства с помощью просветительских категорий общественно-политической мысли.

Изучение предвыборных дворянских наказов 1789 г. позволяет проследить идейную неоднородность дворянства и на уровне его массового сознания. В наказах еще заметно сильное влияние традиционной дворянской системы ценностей. Вместе с тем в них широко представлена передовая политическая культура эпохи Просвещения. В некоторых документах отразилось восприятие дворянством некоторых буржуазных ценностей. В таких наказах уже виден прообраз системы ценностей будущих нотаблей эпохи Реставрации. Для нотаблей станет характерна приверженность происхождению, роду, семье, с одной стороны, и богатству, собственности, преуспеянию — с другой.⁶⁹

1 Собыль А. Классическая историография французской революции Французский ежегодник, 1976. М., 1978. С.155—170; Адо А.В. Великая французская революция и ее современные критики. Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии М, 1986. С.96—126.

2 Richet D. Autour des origines ideologiques lointaines de la Revolution Franchise Annales. E.S. C 1969. N 1. P.1—23; Doyle W. Was there an aristocratic reaction in prerevolutionary France? Past and Present. 1972 N 57. P.121; Lucas C. Nobles, bourgeois and the origines of the French Revolution Ibid. 1973. N 60. P.92—124; Chaussinant-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. P., 1976; Furet F. Penser la Revolution francaise. P., 1978.

3 Chaussinant-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. Ch.1.

4 Vovelle M. L'elite ou le mensonge des mots Annales. E.S.C. 1974. N 1 P.49—72.

- 5 Гордон Л.С. «Торгующее дворянство» аббата Куайе и его «Развитие» Учен.зап.Башкир. ун-та Сер.ист.наук. 1974. Вып.77. № 16: Из истории Франции. Вып.5. С.84—101; Иванова З.Н. Дискуссия о французском дворянстве в общественной мысли эпохи Просвещения Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983. С.109—116.
- Подробнее о термине «дворянский расизм» и обозначаемом им течении общественной мысли см.: Devyver A. Le sang epure. Bruxelles, 1973; Avenel G. La noblesse francaise sous Richelieu. P., 1901. P.1—83; Labatut J.-P. Les noblesses europeennes de la fin du XV siecle a la fin du XVIII siecle. P., 1978. P.71—136; Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des elites. P., 1975. Ch.1; Bitton D. The French Nobility in Crisis. Stanford, 1969. P.1—5, 122—124; Decoufle A. L'aristocratie francaise devant l'opinion publique a la veille de la Revolution Etudes d'histoire economique et sociale du XVIII siecle. P., 1966. P.41—50.
- 7 Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976. С.188—189; История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. М., 1983. С.178—179; Виппер Р.Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн ЖМНП. 1896. № 8. С.278—313; Елманова Н.С. Антиабсолютистская теория Клода Жоли и Парижский парламент XVII в. Французский ежегодник, 1968. М., 1970. С.34—54; Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977. С.11 —12; Разумовская М.В. Ларошфуко, автор «Максим». Л., 1971. С.108—119.
- 8 Boulainvilliers H. Essais sur la noblesse de France contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732. P.41—42.
- 9 Ibid. P.219.
- 10 Ibid. P.1. О Буленвилье см.: Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л., 1949. С.31—33; Devyver A. Op.cit.; Furet F., Ozouf J. Deux legitimations historiques de la societe francaise au XVIII siecle: Mably et Boulainvilliers Noblesse francaise. Noblesse hongroise: XVI—XIX siecles. Budapest; P., 1981. P. 65—76.
- 11 Сен-Симон А. Мемуары. М., 1934. Т.1 С.160.
- 12 Там же. С.154, 157.
- 13 Cheruel A. Saint-Simon considere comme historien de Louis XIV. P. 1865. Furet F., Ozouf M. Op.cit. P.70—71; Mousnier R. Societe francaise de 1770 a' 1789. P., 1970. P.162—173
- 14 Цит. по: Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des elites. P.111.
- 15 Arcq P. A Mes loisirs ou Pensees diverses. P., 1755. P.36, 88—89.
- 16 Ibid. P. 43—44.
- 17 Иванова З.Н. Указ.соч. С.109—116; Brancourt J.P. Un theoricien de la societe au XVIII siecle: le chevalier d'Arcq Revue Historique. 1973. N 508. p.337-352.
- 18 Decoufle A. Op.cit. P.11 — 13, 22—23, 32—36, 41—50.
- 19 Egret J. L'opposition aristocratique en France au XVIII siecle Information historique. 1949. N 5. P.181; Mason L. B. The French constitution and the social question in the old regime. Bonn, 1954.
- 20 Archives parlementaires de 1787 a 1860. P., 1879—1880. Ser.I. T.1. P.702. T.5. P.432 (далее: AP).
- 21 Ibid. T.5. P.567.
- 22 Ibid. T.1. P.699; T.2. P.47.
- 23 Ibid. T.1. P.742; T.2. P.7, 251, 665; T. 5. P. 359; T.6. P.140 etc
- 24 Ibid. T.1. P.775. T.2. P.48, 238, 491, 642, 749; T.3. P.665; T.6. P.189 etc.
- 25 Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. Ch.2; Meyer J. La noblesse francaise au XVIII siecle: apercu des problemes Acta poloniae historica. 1977. T.36. P.8—18.
- 26 Furetiere A. Dictionnaire universel, contenant generalement tous les mots francais, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. La Haye; Rotterdam, 1690. T.2.
- 27 Furetiere A. Dictionnaire universel. La Haye, 1727. T.3.
- 28 Brette A. Recueil de documents relatifs a la convocation des Etats generaux de 1789. P., 1894. Vol.1. P.71—75
- 29 Ford F.L. Robe and Sword. Cambridge, 1953; Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siecle. Besancon, 1960; Berenger J. Noblesse et absolutisme de Francois 1 a Louis XIV Noblesse francaise. Noblesse hongroise. P.11-34.

- 30 Avenel G. Op.cit. P.41 73, 282—285.
- 31 Trenard L. Enseignement et instruction civique en France de 1762 a 1799 Modeles et moyens de la reflexion politique au XVIII siecle. Lille, 1977 Vol.1. P.397—420; Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse francaise au XVIII siecle. P., 1973. P. 46—56, 121—134, 174—176; Chausstnand-Nogaret G La vie quotidienne des Francais sous Louis XV. P., 1979. P. 98—106.
- 32 Chateaubriand F.-R. Memoires d'outre-tombe. Bruxelles, 1849. Vol.1. P.51, 84—85, 97.
- 33 Monttosier G.-D Memoires sur la Revolution francaise. P., 1830. Vol. 1. P.34—35.
- 34 Roche D. Milieux academiques provinciaux et societe des Lumieres Livre et societe dans la France du XVIII siecle. P., 1965. Vol.1. P.95—177
- 35 Agulhon M. La vie sociale en Provence interieure au lendemain de la Revolution. P., 1970. P.90, 95—96.
- 36 Meyer J. La noblesse bretonne au XVIII siecle. P., 1966. Vol.1—2; Lemarchand G. Le feodalisme dans la France rurale des temps modernes Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1969. N 195; Soboul A. Problemes de la «Feodalite d'Ancien Regime» L'abolition de la feodalite dans le monde occidental. P., 1971. Vol.2; Forster R. The nobility of Toulouse in the XVIIIth century. Baltimor, 1960; Idem The provincial noble American Historical Review 1963. Vol.68, N 3; Bastier J. La feodalite au siecle des Lumieres dans la region de Toulouse P., 1975.
- 37 Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siecle. P., 1974. P. 267.
- 38 Гордон Л.С. Указ. соч.; Иванова З.Н. Указ.соч.; Hecht 1. Un probleme de population active au XVIII siecle en France: la querelle de la noblesse comercante Population. 1964. N 2. P.267—290.
- 39 Подробнее см.: Пименова Л.А. Социально-политическая позиция дворянства накануне Великой французской революции. Новая и новейшая история. 1984. № 1. С.63—77.
- 40 AP. T.2. P.295; T.3. P.727; T.5. P.450 etc.; T.6. P.716.
- 41 Vatssiere P. Gentilshommes campagnards de l'ancienne France. P., 1903. P.382—383.
- 42 Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке М., 1977. Гл.1, § 2. Гл.2, 3.
- 43 Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969. С. 202.
- 44 Decoufle A Op. cit. P. 13 -20.
- 45 Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? СПб., 1906. С.11.
- 46 Bergasse. Observations sur le prejuge de noblesse Chausinand-Nogaret G. Une histoire des elites. P.32.
- 47 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.16.
- 48 Монтескье Ш. Избр.произведения. М., 1955. С.290—300. О Монтескье см.: Алпатов М.А. Указ.соч. С.30—42; Волгин В.П. Указ.соч. С.36—59, Allhusser L. Montesquieu. P., 1959; Shackleton R Montesquieu. Oxford, 1961.
- 49 Proust J. Diderot et l'Encyclopedie. P., 1962 P.521—522.
- 50 Encyclopedie ou dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. Nouv ed. Geneve, 1778—1779. T.23. P.9.
- 51 Ibid. P.8.
- 52 Senac de Meilhan. Le gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Revolution. P., 1862 P.490
- 53 Decoufle A. Op.cit. P.11 13, 44—50
- 54 Encyclopedie ou dictionnaire raisonne. Berne, Lausanne, 1779. T.11. P.371, 409—413, 414.
- 55 Тэн И. Старый порядок. СПб., 1910. С.413—415; Mornet D. Les origines intellectuelles de la Revolution. P., 1934; Egret J. Op.cit. P.181; Roche D. Op.cit.; Chausinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. Ch.4; Barny R. Les «aristocrates» et J.-J.Rousseau dans la Revolution Annates Historiques de la Revolution Francaise. 1978 N 234. P.534—568.
- 56 Bluche F. Op.cit. P.356—362.
- 57 Oechslin J.J. Le mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. P., 1960 P.49—52.
- 58 Montlosier G.-D. Op.cit. P.37.
- 59 Степанов М. Жозеф де Местр в России Литературное наследство. М., 1937. Т.2930. С.577—625.

60 Brette A. Op.cit. P.29, 30, 33.

61 AP. T.2. P.378, 492, 626; T.3. P.128, 624; T.4. P.110; T5. P.447-448. T.6. P.179.

62 Ibid. T.5. P.447—448.

63 Ibid. T.3. P.75, 661—662, 740; T.4. P.38.

64 Ibid. T.5. P.563; T.2. P. 658, 766; T.3. P.664 etc.

65 Ibid. T.2. P.171; T.3. P.74, 726; T.5. P.754; T.6. P.189.

66 Senac de Meilhan. Op.cit. P.172.

67 Montlosier G.-D. Op.cit. P.37.

68 Grosclaude P. Malesherbes: Temoin et interprete de son temps. P., 1961 Vol 1. P.234; Vol.2. P.662, 756.

69 Tudesq A.J. Les grands notables en France: Etude historique d'une psychologiesociale. Bordeaux, 1964. Vol.1—2; Jardin A., Tudesq A.J. La France des notables P., 1973. Vol.1—2.